

**Санкт-Петербургский государственный университет  
Филологический факультет**

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ  
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,**

посвященной 190-летию кафедры  
истории русской литературы  
филологического факультета  
Санкт-Петербургского государственного университета

Санкт-Петербург, 7–9 октября 2010 года

Скрипториум  
Санкт-Петербург  
2011

**Петербургское лингвистическое общество**

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ  
ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ  
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:  
ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ —  
ВЗГЛЯД ИЗ ЗАРУБЕЖЬЯ**



Скрипториум  
Санкт-Петербург  
2011

*Отв. редактор* А. А. Карпов

*Редакционная коллегия:*

С. Б. Адоньева, В. Е. Багно, А. О. Большев, П. Е. Бухаркин,  
Ю. М. Валиева, Е. В. Душечкина, А. В. Лавров, А. Д. Степанов, С. Д. Титаренко

**ББК 83.3(2)**

**А34**

Актуальные проблемы изучения и преподавания русской литературы: взгляд из России — взгляд из зарубежья: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 190-летию кафедры истории русской литературы филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, 7–9 октября 2010 года / Отв. ред. А. А. Карпов. — СПб.: Скрипториум, 2011. — 584 с.

**ISBN 978-5-905011-05-4**

Сборник объединяет работы российских и зарубежных авторов, посвященные разнообразным проблемам изучения и преподавания русской литературы, фольклора, теории литературы, а также истории ряда научных школ и перспективам современного университетского образования.

Книга предназначена для филологов-русистов, педагогов, студентов и широкого круга читателей.



Издание осуществлено при финансовой поддержке Фонда «Русский мир»

**ISBN 978-5-905011-05-4**

© Петербургское лингвистическое общество, 2011

© Коллектив авторов, 2011

## СОДЕРЖАНИЕ

### ИЗ ИСТОРИИ ПЕТЕРБУРГСКОГО–ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

*А. А. Карпов (Санкт-Петербург)*

**Кафедра истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета: эпохи и имена (1819–1919).....11**

*С. Б. Адоньева, И. С. Веселова (Санкт-Петербург)*

**Фольклористика в Санкт-Петербургском–Ленинградском университете.....42**

*Н. С. Демкова, М. В. Рождественская (Санкт-Петербург)*

**Изучение древнерусской литературы в Петербургском–Ленинградском государственном университете (краткий обзор).....53**

*Н. Д. Кочеткова (Санкт-Петербург)*

**Основные направления научной и педагогической деятельности П. Н. Беркова.....76**

*М. В. Иванов (Санкт-Петербург)*

**Концепция личности в трудах Г. А. Гуковского.....85**

*А. Г. Головачева (Ялта)*

**М. П. Чехова в переписке с ленинградскими чеховедами.....103**

*Е. А. Тахо-Годи (Москва)*

**К истории споров о соотношении теоретического и исторического литературоведения.....119**

### РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ ШКОЛЫ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

*Т. Ф. Волкова (Сыктывкар)*

**Старинная русская литература в списках и переделках печорских старообрядцев (экспедиции и исследования филологов Сыктывкарского университета).....131**

*М. К. Наенко (Киев)*

**«Филологический семинар» В. Н. Перетца в Киевском университете имени Тараса Шевченко.....141**

*О. В. Михеева (Йошкар-Ола)*

**Жанровое своеобразие рассказа В. А. Абукаева-Эмгака**

**«Ошкеча» (2001).....150**

*Р. Г. Назарьян (Самарканд)*

**Самаркандская литературоведческая школа поэтико-структур-**

|   |     |
|---|-----|
| ного анализа.....                                     | 157 |
| <i>Анна Пашкевич (Вроцлав)</i>                        |     |
| Заметки о польской литературоведческой русистике..... | 165 |
| <i>Ким Хён Тхэк (Сеул)</i>                            |     |
| О русской литературе в Корее.....                     | 171 |

## АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ФОЛЬКЛОРА

|   |     |
|---|-----|
| <i>В. И. Тюпа (Москва)</i>  |     |
| Анализ художественного текста в системе литературоведческого знания .....                       | 179 |
| <i>К. А. Баршт (Санкт-Петербург)</i>  |     |
| О научном принципе и перспективах литературоведения.....  | 189 |
| <i>Н. А. Криничная (Петрозаводск)</i>   |     |
| Концепт дороги/тропы в народной мифологической прозе.....                                       | 199 |
| <i>В. И. Еремина (Санкт-Петербург)</i>  |     |
| Летописные сказания в фольклорном освещении.....  | 208 |
| <i>П. Е. Бухаркин (Санкт-Петербург)</i>   |     |
| К вопросу о месте А. Д. Кантемира в литературном движении его времени.....                      | 229 |
| <i>К. Ю. Лапто-Данилевский (Санкт-Петербург)</i>  |     |
| О метрическом репертуаре лирики Н. А. Львова.....   | 242 |
| <i>Е. В. Душечкина (Санкт-Петербург)</i>  |     |
| Поэма Н. А. Львова «Русский 1791 год»: жанр, традиция, новаторство.....                         | 255 |
| <i>А. Е. Кунильский (Петрозаводск)</i>  |     |
| Концепт «жизнь» в русской литературе XIX века.....  | 264 |
| <i>А. С. Янушкевич (Томск)</i>  |     |
| Эдиционные и текстологические принципы Полного собрания сочинений и писем В. А. Жуковского..... | 274 |
| <i>О. Н. Гринбаум (Санкт-Петербург)</i>   |     |
| Ритм как рентген, или Скрытые эмоции в четвертой главе романа «Евгений Онегин».....             | 283 |
| <i>Андреа Мейер-Фраатц (Иена)</i>   |     |
| Свое и чужое — кулинарное у Пушкина.....  | 298 |
| <i>Михаил Вайскопф (Иерусалим)</i>  |     |
| «Жених полунощный»: Посмертный брак в поэтике русского романтизма.....                          | 307 |

|   |            |
|---|------------|
| <i>Е. Е. Дмитриева (Москва)</i>   |            |
| <b>Круг чтения Павла Ивановича Чичикова и Николая Васильевича Гоголя.....</b>                         | <b>323</b> |
| <i>Г. Г. Багаутдинова (Йошкар-Ола)</i>  |            |
| <b>«Малая проза» И. А. Гончарова: проблемы эпиграфики.....</b>  | <b>335</b> |
| <i>Елена Д. Толстая (Иерусалим)</i>   |            |
| <b>Мифологические умыслы в характеристиках героев «Войны и мира»: от первой ко второй версии.....</b> | <b>342</b> |
| <i>С. А. Кибальник (Санкт-Петербург)</i>  |            |
| <b>ЧЕХОВ — ГАЗДАНОВ — ПОСТМОДЕРНИЗМ</b>   |            |
| <b>(к типологии чеховской интертекстуальности в русской литературе XX века).....</b>                  | <b>355</b> |
| <i>С. Д. Титаренко (Санкт-Петербург)</i>  |            |
| <b>Теоретическое наследие Вячеслава Иванова и литературоведение XX века.....</b>                      | <b>366</b> |
| <i>Мария Рубинс (Лондон)</i>  |            |
| <b>Литература эмиграции как подсистема русской и западноевропейской литературы XX века.....</b>       | <b>379</b> |
| <i>В. В. Иванцов (Санкт-Петербург)</i>  |            |
| <b>Пьеса «Зойкина квартира» в контексте творчества М. А. Булгакова.....</b>                           | <b>392</b> |
| <i>Уте Шольц (Грейфсвальд)</i>  |            |
| <b>Иконография черта в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (1928–1940).....</b>                  | <b>402</b> |
| <i>Ольга Буренина-Петрова (Цюрих)</i>   |            |
| <b>Русская литература на экране немого кино.....</b>  | <b>414</b> |
| <i>О. Ю. Славина (Гамбург)</i>  |            |
| <b>Коллажность и сновидческий текст. Константин Вагинов и Макс Эрнст.....</b>                         | <b>428</b> |
| <i>Надежда Григорьева (Тюбинген)</i>  |            |
| <b>Плоть (не)видимого: автор как вуайер у М. Бахтина и писателей 1920–1930-х годов.....</b>           | <b>440</b> |
| <i>Д. В. Токарев (Санкт-Петербург)</i>  |            |
| <b>В поисках «центрального огня»: Борис Поплавский и Жерар де Нерваль.....</b>                        | <b>454</b> |
| <i>Н. В. Ковтун (Красноярск)</i>  |            |
| <b>Герой-ерники в поздних рассказах В. М. Шукшина.....</b>  | <b>470</b> |
| <i>Т. М. Вахитова (Санкт-Петербург)</i>   |            |
| <b>Неизвестный Астафьев (К вопросу о творческой личности писателя).....</b>                           | <b>482</b> |

## МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

|   |     |
|---|-----|
| <i>М. Ю. Лучников (Кемерово)</i><br>История критики и историческая поэтика: о принципах построения курса истории русской литературной критики XIX века.....                     | 503 |
| <i>М. А. Черняк (Санкт-Петербург)</i><br>Литература «Короткого дыхания», или Еще раз о проблемах преподавания современного литературного процесса.....                          | 514 |
| <i>В. Б. Катаев (Москва)</i><br>Из опыта построения курса «Русская классика и интермедальность».....  | 523 |
| <i>И. А. Хромова (Иваново)</i><br>О некоторых особенностях Учебного плана подготовки бакалавра по направлению 032700 — филология в Ивановском государственном университете..... | 531 |
| <i>В. В. Савельева (Алма-Ата)</i><br>Русская литература в ближнем зарубежье: взгляд из Казахстана.....  | 534 |
| <i>Джеральд Майкельсон (Лоуренс)</i><br>Опыт преподавания русской литературы в американском вузе.....   | 544 |
| <i>Хенрике Шмидт (Берлин)</i><br>Блогинг как объект и метод преподавания русской литературы.....  | 553 |
| <i>Роберт Ходель (Гамбург)</i><br>От классического к болонскому литературоведению — колонизация жизненного мира или адаптация к рыночным условиям?.....                         | 560 |
| Фотографии.....   | 570 |

*К. Ю. Лаппо-Данилевский*

*(Санкт-Петербург)*

## **О метрическом репертуаре лирики Н. А. Львова**

Стихотворное наследие Николая Александровича Львова (1753–1803) почти не привлекало внимания исследователей, что вызвано в значительной мере длительной неизданностью наследия поэта (в первую очередь многих лирических произведений и пьес). Причины этого обстоятельства коренятся еще в XVIII столетии, в форме бытования сочинений поэта, распадавшихся на две группы: публиковавшиеся при жизни анонимно и имевшие хождение в кругу его родственников и друзей. Очевидно, что произведения, составлявшие вторую из них, не соответствовали господствовавшим представлениям эпохи о литературности; но в то же время у них была своя, сознательно суженная родственно-дружеская аудитория, охотно читавшая их.

Домашность бытования этого рода произведений Львова во многом предопределила их смелый экспериментальный характер, а также принадлежность ряда его созданий к «художественному быту» (точнее говоря, к «литературному»), понимаемому вслед за Тыняновым как область экспансии художественной литературы в соположенные ей области с целью обновления сложившейся литературной системы, а также литературно-конвенционных отношений. Вполне сообразуется с этой особенностью и многообразное присутствие



стихотворных текстов в наследии Львова — и в качестве автономных лирических и эпических произведений, и в качестве вкраплений и вставок в его письма и драматические сочинения.

Дефицит исследованности метрики Львова<sup>1</sup> лишь отчасти восполняют «Жанрово-хронологический указатель стиховых форм в “Избранных сочинениях” Н. А. Львова» на сайте Российской виртуальной библиотеки<sup>2</sup> и включение его стихов в подкорпус поэтических текстов на сайте Национального корпуса русского языка<sup>3</sup>. Будем надеяться, что настоящая работа будет способствовать, помимо всего прочего, внесению ряда уточнений в стиховедческие описания львовских стихов на данных интернет-ресурсах. Основная задача предлагаемого ниже обзора — очертить общий метрический репертуар лирики Львова, указав при этом на важнейшие девиативные приемы и отметив наиболее примечательные в метрическом отношении произведения<sup>4</sup>.

Львов принадлежал к поколению поэтов, вошедших в русскую литературу, когда в ней уже утвердилась силлаботоника как доминирующая версификационная система. Весьма рано, думаю, определились и пристрастия молодого литератора, которому изначально оказалась более созвучной поэтика Сумарокова, а не Ломоносова.

Дебютом поэта стало участие в рукописном журнале «Труды четырех общников», составлявшемся им совместно с Николаем Осиповым, Петром и Николаем Ермолаевыми в марте–июле 1771 года. Здесь Львов поместил в общей сложности 16 стихотворений, десять из которых — загадки.

Обращает на себя, с одной стороны, пристрастие молодого поэта к александрийскому стиху, вполне сообразующееся с его широкой начитанностью во французской литературе, — этим размером написано два довольно пространных сатирических стихотворения, первое из которых обращено против самого себя, а также шесть загадок.

С другой стороны, уже здесь, в первую очередь в таком игровом жанре, как загадка, наблюдается ярко выраженная склонность Львова к полиметрии — к соединению в одной и той же миниатюре нескольких метров: это Я6 и Х4 в «Микроскопе»; ЯЗ<sup>5</sup> и Х4 в «Руках, глазах, разуме».

Обращает на себя внимание то, что все загадки «оперены» парными рифмами; все они распадаются на двустипшия, в которых Львов обычно стремится придерживаться единого метра и единой длины стиха<sup>6</sup>. Именно отклонением от этой тенденции примеча-

тельна загадка девятая, центральная часть которой обрамлена двустопными, написанными восьмистопным хореем с ярко выраженной цезурой (в первом из них даже есть внутренняя рифма). В стихах 3–6 находим четырехстопные хорей, а в стихах 7–8 изменена анакруста с нулевой на односложную при сохранении двусложности размера; количество стоп, впрочем, различно, соответственно четыре и три:

Мною астроном гуляет по пространным небесам;  
Географ дорогу знает по горам, долам, лесам;  
Корабельщик без меня  
Стоит на море, стена.  
Коль меня скоро найдет,  
То немного мной шагнет;  
Тогда он якори оставит  
И парусы направит;  
Я живу без рук, без брюха, но имею две ноги;  
Все разумны меня любят, ненавидят дураки. (ИС, 26).

Как еще один ранний случай игры с анакрустой у Львова следует отметить его перевод басни «Старик и смерть». Ее источник — притча Ж. Лафонтена «La mort et le bûcheron» на сюжет, восходящий еще к Эзопу. Переводя, русский поэт опустил финальное моралистическое четверостишие французской басни и инверсировал части заглавия. Основной текст басни Лафонтена составляют шестнадцать силлабических стихов, из которых тринадцать — двенадцатисложные, а три — восьмисложные. Стихи оригинала Львов передал по преимуществу четырехстопными хорейми (19 стихов из 22); два стиха (11-й и 12-й) — хорей восьмистопные. Именно средствами метрики русский поэт создает значительные эффекты как в начале, так и в конце стихотворения.

Основному хорейческому тексту предшествует стих ямбический; процитируем для наглядности начало стихотворения: «Прискучил мужику свой век / Коль несчастен человек!» Еще более сильный эффект достигается в заключительном стихе, который должен выразить изумление дровосека и общую несообразность его финальной реплики с предшествовавшими жалобами на судьбину. «Хорейческая основа» при этом различима не без затруднений: первая стопа в нем — ямбическая, а четвертый слог опущен, в резуль-

тате чего создается отрезок, в котором подряд друг за другом следует три ударения: «Он на то ей отвечал: / “Снеси дров, если возможно”».

В целом метрический репертуар львовских стихотворений в «Трудах четырех общников» небогат: из в общей сложности 149 стихов — 110 ямбические (из них 95 — александрийские<sup>7</sup>), 39 — хореические.

Если рукописный журнал предоставил возможность синхронного среза, а именно, подсчетов метров, избранных Львовым в марте-июле 1771 года, то стихотворное наследие более позднего времени, охватывающее более чем тридцать лет, целесообразнее (в силу неточности многих датировок) рассматривать как некоторое целое, опираясь на следующие за стихами из «Трудов» семь разделов в томе 1994 года; здесь помещены основные лирические произведения Львова. Этот путь имеет и свои преимущества — он позволяет наметить ряд закономерностей, в частности, жанровую закрепленность некоторых размеров.

Первый довольно объемный раздел «Избранных сочинений» Львова — «Разные стихотворения»<sup>8</sup> — объединяет, как и явствует из его названия, или стихотворения жанров немногочисленных, или нетрадиционных, или же тех, контуры которых размыты. В общей сложности раздел насчитывает 648 стихов, чуть больше половины из которых — ямбические (334 стиха), чуть меньше — хореические (314 стихов). Обращает на себя внимание резкое возрастание удельной доли хореев по сравнению с «Трудами», отсутствие александрийского стиха<sup>9</sup>, значительное число вольных ямбов (83 стиха, 3 стихотворения). При этом вполне сообразуется с «метрической инерцией», заданной предшественниками Львова, использование четырехстопного ямба в таких одических дериватах, как «Музыка, или Семитония», «На угольный пожар», «Новый XIX век в России», или же четырехстопных хореев в близких к песенному жанру «Отпускной двум чижикам», «Стерновом чижике», «Птичке». Еще один случай четырехстопного хорea, но не с мужскими и женскими клаузулами, как в вышеназванных стихотворениях, а с дактилическими, стоит особо отметить в «Ночи в чухонской избе на пустыре» — этот фольклорно маркированный размер, думается, Львову особенно импонировал<sup>10</sup>.

В стихах, предназначавшихся для вокального исполнения, наблюдаются иные соотношения между двусложными размерами и куда большее разнообразие метров. Из 439 стихотворных строк здесь: 112 ямбов (из них 4 в полиметрических текстах; из них 11

в гетерометрических текстах); 225 хореев (из них 4 в полиметрических текстах); 3 одностопных спондея, вынесенных рефреном в стихотворении, ямбическом по преимуществу<sup>11</sup>; 20 дактилей (из них 4 в гетерометрических текстах); 1 двухстопный амфибрахий в зачине стихотворения по преимуществу ямбического<sup>12</sup>; 58 анапестов (с частыми переборами, на некоторых имеет смысл остановиться отдельно), 20 так называемых «кольцовских пятисложников», в использовании которых при имитации народнопесенных размеров Львову, кажется, принадлежит первенство<sup>13</sup>.

Особенно примечательны в метрическом отношении «Дуэты на музыку Жирдини», составляющие цикл из пяти стихотворений. Несомненно, что музыка в значительной мере диктовала избираемые метрические решения, и Львову нужно было проявить недюжинное поэтическое умение, чтобы исполнить «мелодический заказ». Открывают и завершают цикл стихотворения «Весна» и «Утро», написанные соответственно трехстопными ямбами и четырехстопными хорейми. Вторая полиметрическая композиция «Лето» состоит из двух катренов, для первого из них взят четырехстопный хорей, для второго — трехстопный ямб. Эта смена метра оттеняет и смену повествовательного модуса: в первом катрене говорится о возвращении весны, второе составляет восторженное обращение молодой девушки к возлюбленному. «Осень» написана двустопными дактилями, если в начале стихотворения доминируют дактилические окончания, то вскоре они сменены женскими и мужскими. Длина стиха, таким образом, колеблется от 6 до 4 слогов, что при краткости двустопных строк явственно воспринимается на слух. Львов отступает и от своего обыкновения точно рифмовать — здесь находим и консонансы (розами/крыльями), и разноударность (приголубила/забыла), — создавая в клаузулах изящный рисунок рифмоидных сочетаний:

#### Осень

Куколка, куколка,  
Ты мала, я мала,  
Где ты тогда была?  
Как я, глупенька,  
Встала раненько,  
Встала раненько,  
В поле ушла.

Там между розами  
Мальчик стал с крыльями,  
Я приглубила  
Мальчика сонного,  
Он лишь проснулся —  
Взглядом сразил.  
Я приуныла,  
Куклу забыла,  
Мальчик мне мил. (ИС, 52–53).

Четвертое стихотворение цикла «Зима» любопытно как блестящий образец гетерометрии<sup>14</sup>, в котором сочетаются двустопные дактили и трехстопные ямбы (Д2д и Я3м). Непривычный перенос ударения в первом слове первого стиха (фольклорное «пóйдем» вместо «пойдём») привел к тому, что метр этой лирической миниатюры, на мой взгляд, определялся подчас неверно как ямбический:

#### Зима

Д2д Пóйдем на улицу,  
Д2ж Красны девицы,  
Я3м Уж молодцы мороз  
Д2ж Бьют в рукавицы.  
Я3м Мы только к ним придем,  
Я3м Лихой мороз уьем  
Д2ж Из-под ресницы. (ИС, 53)<sup>15</sup>.

«Песня для цыганской пляски» содержит подзаголовок: «на голос “Вдоль по улице молодец идет...”», весьма существенный для ее понимания. Он отсылает к «Собранию русских песен с их голосами» Львова и Прача (1790)<sup>16</sup>, где находим песню «Ай по улице мóлодец идет...» под номером 28 среди плясовых. Во вступительной статье Львов более подробно останавливается на этом типе песен, называя их «цыганскими», «особливыми более образом пения, нежели сложением своим», и подчеркивает, что под них охотно пляшут русские цыгане «в три ноги»<sup>17</sup>.

При анализе «Песни для цыганской пляски» сказывается ограниченность чисто метрического подхода при анализе текстов, пред-

назначенных для вокального исполнения, ибо неполнота ряда стоп скрадывается при пении и их неравносложность сглаживается. Пропитирую начальные девять стихов «Песни для цыганской пляски»:

Чок, чок,  
Чок, чок,  
Чеботок,  
Ты зачем не звончат, не легок? (2 раза)

Стебелек,  
Что прилег  
Твой цветок,  
Иль сидел на тебе мотылек? (ИС, 58–59). )

Первые два стиха дают нам ярко выраженные спондеи (если, конечно, их скандировать, а не петь), и лишь начиная с третьей строки вступает в свои права основной размер — анапест, отступлений от которого почти нет<sup>18</sup>. Все же, по сравнению со своим фольклорным претекстом, песня Львова куда более строга в метрическом отношении<sup>19</sup>, а изящество лексики и сквозная рифма делают ее, скорее, утонченным произведением салонной культуры, чем произведением в народном духе.

В 1790-е годы Львов активно начинает разрабатывать жанр послания, тесно связанный с его дружескими письмами. При этом доминирующим размером оказываются ямбы, в подавляющем числе вольные. Общее количество стихов в разделе — 738, из них 616 ямбы (403 из которых вольные), хореев 37 (в составе полиметрического стихотворения), 82 кольцовских пятисложника (тоже в полиметрическом стихотворении) и три односложных стиха в произведениях, написанных вольным ямбом. В первом случае Львов выносит в отдельный стих глагол «жить», в высшей степени важный в контексте его «Гав<риле> Романовичу ответа». Столь же семантически нагружено односложное слово «нет» в философском послании к А. М. Бакунину «Три нет», дважды становящееся отдельным стихом.

Стоит несколько подробнее остановиться на следующем пассаже в составе полиметрического послания «Ивану Матвеевичу Муравьеву, едущему в Етин»:

Растворенное счастье радостью  
Сообщением умножается!  
Не смывается слово милое  
Каплей теплою слез приятельских,  
Но черты его увеличились,  
Распростерся их цвет торжественный<sup>20</sup>.  
Вдруг прозрачная и блестящая,  
Прибежавшая к слову капелька,  
Встрепенувшись, облачилась  
В ризу счастья, в пурпур дружества  
И с торжественным шумом некаким  
За собой влечет свой безмерный шлейф...

Тут меня уж как пронял смех такой!  
Пошла... Ишь, барыня, поди, ну Бог с тобой.  
И что за шлейф! Что за покрой!  
Ведь мне пора  
С двора  
Долой:  
В Кремле поставить трон золотой,  
На нем несгладимой чертой  
Везде я напишу «Л...»,  
Которой будет к нам весной,  
Так я обязан головой  
С моей отеческой страной  
Исправным в срок явиться,  
Чтоб счастьем русскому чин чином о Святой  
Где было воцариться. (ИС, 86).

Переход от кольцовских пятисложников к вольному ямбу «осуществляют» два стиха, состоящие сплошь из одно- и двусложных слов, с повышенным числом ударений — о них «разбивается» ритмическая инерция предыдущего пассажи: «Тут меня уж как пронял смех такой! / Пошла... Ишь, барыня, поди, ну Бог с тобой». Читатель, «убаюканный» мерностью пятисложников, принужден здесь остановиться, «проснуться», автоматизм его восприятия на этом рубеже разрушен, а это значит, что автор вновь добился средствами метрики оригинального эффекта.

В сравнительно небольшом разделе шуточных стихотворений, насчитывающем 167 стихов, доминируют ямбы (161 стих, из них

60 вольные), и лишь шесть стихов — двустопные амфибрахии (один из них парцеллирован, поэтому «сосчитан» как один: «Скажу, / Издержу»), в заключение следующего, полиметрического:

Партесу не учен,  
По службе оглашен,  
В стихарь не посвящен,  
Приходом обойден,  
Гремящих благ лишен,  
В летах несовершен,  
Что дать возможет он?  
На место благ мирских  
И сыгных и драгих  
Он даст тебе трезвон.  
А я посужу,  
Сочтусь, погляжу,  
Скажу,  
Издержу,  
В парчу наряжу,  
В кутью посажу,  
Сытой угожу. (ИС, 86).

В малых жанрах Львова (эпиграммах, эпитафиях, экспромтах, сентенциях и проч.) доминируют также ямбы: на 137 стихов их приходится 113 (49 из них вольные); хореев 23 (из них семь вольных на сквозную рифму в экспромте «Катерине Ал<ексеевне> Дьяковой»<sup>21</sup>); амфибрахий — 6; один стих — односложный<sup>22</sup>. Отметим редкий для эпиграмм случай переменной анакрусы в следующем довольно раннем стихотворном обращении к Капнисту (1770-е годы):

Ты, Капнист, меня просил,  
Чтоб в бессмертие стихом тебя вместил,  
Но всех на то не станет сил,  
Ты был  
И будешь мил. (ИС, 96).

За двумя хорейскими стихами разной длины здесь следуют три вольных ямба.



Подводя некоторые итоги, правомерно, думаю, подчеркнуть, что экспериментальный характер созданий Львова нашел выражение в том числе и в метрике его стихотворных произведений, для понимания специфики которой следует признать первостепенную релевантность двух обстоятельств:

— тесную связь поэзии Львова с музыкальной стихией (как в ее салонном выражении, так и в фольклорном);

— серьезный интерес поэта к народнопоэтическому творчеству в целом, подтверждаемый его собирательской деятельностью.

Именно эти два обстоятельства становятся предпосылками для реализации общего стремления Львова к разнообразию звучания его поэзии и достижения максимальной ее выразительности не только на макроуровне (произведения в целом и циклы), но и на микроуровне, т. е. стиха и даже колона.

На первый взгляд лирическая муза Львова выглядит весьма традиционно для XVIII столетия — как ямбохореическая<sup>23</sup>. Однако более пристальное внимание к приведенным выше данным, собранным при анализе восьми разделов «Избранных сочинений» Львова, содержащих в общей сложности 2278 стихов, убеждает в ее своеобразии. Господство ямбов (всего 1446) объясняется наличием в лирике поэта объемных посланий и одических дериватов. При этом наблюдается большое число вольных ямбов — 595, из которых более двух третей (403) приходится на послания жанр — новаторски разрабатывавшийся Львовым и ни у кого столь объемно не представленный в это время подобным метром<sup>24</sup>. Из 638 хореов большинство приходится весьма предсказуемо на песенные жанры, им также написана часть одного из посланий и близкая к посланиям «Ночь в чухонской избе на пустыре» (153). Третьим по объему в лирике Львова оказывается кольцовский пятисложник, представленный в двух лирических произведениях (102 стиха) и другими поэтами его эпохи, кажется, не употребляемый вовсе<sup>25</sup>.

Важной особенностью метрики Львова является — в сравнении с его современниками — большое число стихов с переменной анакрусой (главным образом в двустопных размерах), а также полиметрических стихотворений и гетерометрических, им близкородственных. Укажу, что Гаспарову было известно всего два случая переменной анакрусой в русской литературе XVIII века, как явствует из таблиц к его «Очеркам истории русского стиха»; при этом стихи, проанализированные выше, ученому известны не были. Львовская лирика, как было показано выше, дает немалое число примеров по-

добных колебаний в стиховых зачинах. Еще одна новаторская особенность метрики Львова — наличие односложных стихов в посланиях, написанных вольными ямбами (ранее встречаем односложные стихи главным образом в баснях, использующих этот размер, например, у Сумарокова, Ржевского, Хемницера).

В заключение следует отметить, что изучение стиха Львова в каком-то смысле только начинается. Выше внимание было обращено главным образом на оригинальную лирику Львова (несколько необходимых исключений было сделано лишь в связи с журналом «Труды четырех общников»). Столь же пристального внимания стиховедов заслуживают и эпические, и драматические произведения поэта, и поэтические пассажи в его письмах, так же как и его переводы. Последующим шагом, думаю, станет осмысление ритмики, синтаксиса, рифм и строфики львовской поэзии в контексте истории русского стиха.

<sup>1</sup> Важные замечания о метрике Львова на материале текстов, опубликованных к тому времени, находим лишь в работе: *Вишневский К. Д.* Русская метрика XVIII в. // Вопросы литературы XVIII в. Пенза, 1972. С. 129–258 (Рязанский гос. пед. ин-т; Пензенский гос. пед. ин-т. Учен. зап. Т. 123; о Львове на с. 164, 165, 169, 195, 200, 218, 222, 229). Обращаясь ко второй половине XVIII века в своей классической монографии, М. Л. Гаспаров упоминает Львова эксплицитно всего один раз в связи с точностью рифмовки, практиковавшейся друзьями Державина (*Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. 2-е изд., доп. М., 2000. С. 95). Об имплицитных отсылках см. ниже.

<sup>2</sup> [http://www.rvb.ru/18vek/lvov/04index/versus\\_index.htm](http://www.rvb.ru/18vek/lvov/04index/versus_index.htm)

<sup>3</sup> <http://www.ruscorpora.ru/mycorpora-poetic.html>

<sup>4</sup> Здесь и далее при анализе метрики лирического наследия поэта использовались в первую очередь соответствующие разделы книги: *Львов Н. А.* Избранные сочинения / Предисл. Д. С. Лихачева. Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского. Перечень архитектурных работ Н. А. Львова подготовлен А. В. Татаринным. Кёльн; Веймар; Вена; СПб., 1994. При цитации этого издания ссылки даются в тексте с аббревиатурой ИС и указанием номера страниц. При описании стихов в качестве ориентира избрана система сокращений, используемая в Национальном корпусе русского языка; см. ее подробное обоснование в статье: *Гришина Е. А., Корчагин К. М., Плунгян В. А., Сичинава Д. В.* Поэтический корпус в рамках Национального корпуса русского языка: общая структура и перспективы использования // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб., 2009. С. 71–113.

<sup>5</sup> Первая стопа первого стиха при этом отчетливо спондеизирована: «Что́? Де́сять работáют...»).

<sup>6</sup> Этому выводу не противоречит тенденция к парцеллированию стихов, в результате которого возникают строки восьми- и четырехстопного хоря в «Картах» (ИС, 26) или трех- и шестистопного ямба в «Эпиграмме к Климене» (ИС, 27).

<sup>7</sup> Впрочем, и в них есть отступления от метра, как, например, в ругательном стихе сатиры, направленной против Петра Ермолаева; она написана александрийским стихом, но в предпоследнем стихе отсутствует один слог в иктовой позиции, что способствует особой экспрессивности инвективы: «Молчи! Кубышка, безмозгла голова!» (ИС, 28).

<sup>8</sup> Из дальнейших подсчетов исключен фрагмент «Дух мой томный ободрился...», помещенный в этом разделе, который, как выяснилось позднее, является одним из опытов перевода Львовым стихотворения «La Coqûee» неустановленного французского автора.

<sup>9</sup> В других разделах ИС находим в общей сложности восемь стихов парно рифмованного шестистопного ямба: автоэпиграмма «К моему портрету, писанному г. Левицким», «Эпитафия трудолюбивому в Арпакаси», сентенция «Но время и любви на дело не жалеет...» (ИС, 90, 93, 98). Отмечу попутно случай отступления от заданного первой строкой метра в следующей автоэпиграмме: «Чем больше стареюсь, тем больше молодею, / Я обманываю всех и правдою моею...» (ИС, 94). Здесь можно вести речь о сочетании ямбического и хорейческого стихов (Ябж + Х7ж), или же в других терминах, о нулевой анакруссе во втором стихе, сменяющей односложную, при наращении дополнительной стопы.

<sup>10</sup> Ср. прежде всего пространный пассаж в «Добрыне», открывающий поэму:

О, темна, темна ночь осенняя!  
 Не видать в небе ни одной звезды,  
 На сырой земле ни тропиночки;  
 Как хребет горы, тихо лес стоит,  
 И ничто в лесу не шелохнется... и т. д. (ИС, 192).

В этой полиметрической поэме, как известно, развернут репертуар альтернативных народных размеров, которыми Львов предлагал пользоваться, а также содержатся прямые выпады против силлаботоники: «Анапест, спондей и дактили / Не аршином нашим мерены...» (ИС, 196). См. также: *Занатов В. А.* О «русских размерах» в поэзии XVIII — первой половины XIX века // XXII Герценовские чтения. Филол. науки. Л., 1969. С. 90–93.

<sup>11</sup> Приведу целиком текст этой пародии на ритуал вступления в масонскую ложу: «Кто б ни был такой, / Ни слова, ни ногой, / Стой, стой! / Иль слушай, или пой, / Смотри, над головой / Твоею вьется рой, / Стой, стой! / Иль слушай, или пой. / Напев у нас простой. / Смотри над головой» и проч. (ИС, 60).

<sup>12</sup> См. предыдущее примечание.

<sup>13</sup> «Как, бывало, ты в темной осени...» (ИС, 55).

<sup>14</sup> Под гетерометрией понимаются вслед за создателями подкорпуса поэтических текстов на сайте Национального корпуса русского языка стихотворения, написанные «нерегулярно чередующимися строками различных силлабо-тонических метров». Иные терминологические значения данного и сходных явлений — микрополеметрия (М. Л. Гаспаров), гетероморфный стих (Ю. Б. Орлицкий).

<sup>15</sup> Попытка прочесть это стихотворение как вольно-ямбическое невозможно без значительного насилия над ним: «Пойдем на улицу, / Красны девицы, / Уж молодцы мороз / Бьют в рукавицы. / Мы только к ним придём, / Лихой мороз уьем / Из-под ресницы» (ИС, 53). Претит русскому уху и перенесение ударения на второй слог в фольклорном эпитете «красны», и игнорирование ударности «бьют» в начале четвертой строки, и предпочтение ударности второго слога в «из-под».

<sup>16</sup> «Ай, по улице молодец идет...» // Собрание народных русских песен с их голосами. [Составил Н. А. Львов.] На музыку положил Иван Прач. [СПб.,] 1790. С. 121.

<sup>17</sup> «Пляска сих подвижных плясунов называется “в три ноги”, то есть, что выбивая они в некоторых местах песни каждую ноту ногами, поют согласно ударам отрывисто, из чего и выходит как особый род пляски, так и пения, совсем от русского отличный» ([Львов Н. А.] О русском народном пении // Собрание народных русских песен с их голосами. [Составил Н. А. Львов.] На музыку положил Иван Прач. [СПб.,] 1790. С. VI).

<sup>18</sup> Отметим подобное отступление в третьей стопе стиха «Осердился мой миленький дружок» (ИС, 60).

<sup>19</sup> Приведу лишь следующий отрывок, в котором анапесты «потеснены» другими стопами:

«Стару бабу за себя ему взять, стару бабу на печи в углу держать, ай жги, ай жги, говори, стару бабу на печи в углу держать.»

Стару бабу на печи в углу держать, киселем его в углу прикармливати, ай жги, ай жги, говори, киселем его прикармливати» и т. п. (Собрание народных русских песен с их голосами. [Составил Н. А. Львов.] На музыку положил Иван Прач. [СПб.,] 1790. С. 121).

<sup>20</sup> К этому стиху Львовым сделано примечание: «А просто сказать, расплылись чернила орешковые».

<sup>21</sup> Приведем его текст: «Катерина, / Ты причина, / Что лишен мужчина / чина, / Был детина, / Стал / скотина. / О! Судьбина!» (ИС, 96).

<sup>22</sup> В четверостишии «Пустыня только устрашает...» (ИС, 98).

<sup>23</sup> См. таблицу «Метрический репертуар поэзии XVIII–XX вв. (лирика)», составленную преимущественно по материалам малой серии «Библиотеки поэта» (Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. 2-е изд., доп. М., 2000. С. 316; ср. с. 323).

<sup>24</sup> Ср. общий список русских стихотворных посланий второй половины

XVIII века в диссертации: *Taylor R. E. The Friendly Epistle in Russian Poetry: A History of the Genre. A Dissertation Presented to the Faculty of the Graduate School University of Southern California / In Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree Doctor of Philosophy (Slavic Languages and Literatures). 2002. P. 328, 329 (Manuscript).*

<sup>25</sup> Гаспарову было известно всего два лирических произведения, написанных в XVIII веке кольцовским пятистопником (отсылаю еще раз к таблицам, приложенным к «Очерку истории русского стиха»). Первое из них, по всей видимости, песня Львова «Как, бывало, ты в темной осени...»; второе — объемное полиметрическое послание к И. М. Муравьеву, содержащее 82 пентона 3. Сведения об обоих текстах восходят к статье З. В. Артамоновой (Гуковской) «Неизданные стихи Н. А. Львова» в т. 9/10 «Литературного наследства» (1933). Здесь песня была впервые опубликована, а также был процитирован обширный фрагмент из послания к И. М. Муравьеву (в стиховедческих статьях нередко отсылки к этой статье и ее материалам; позднее песня не раз републиковалась в антологиях). Заслуживает внимания, что К. Д. Вишневский не склонен был признавать кольцовский пятистопник как таковой, упоминание песни «Как, бывало, ты в темной осени...» и поэмы «Добрыня» находим у него при анализе хореев с дактилическими клаузулами (*Вишневский К. Д. Русская метрика XVIII в. С. 195*).